

«Он верил...»

Он верил в «коперниканский переворот», суть которого — в мужественной попытке отделения от так называемого «наивного мышления» и в возвышении в точку над индивидуальным мышлением, откуда мыслитель способен и призван переосмыслить уже субъективно помысленное в своем опыте мира, абсолютно не будучи привязанным к этому опыту и будучи абсолютно правдивым в отношении его с высоты таинственной «общей знаменательности». Это — трансцендентальная субъектность истинной сути каждого человека. И именно она составляет основу той спасительной связи, той интерсубъективной возможности, которая и есть великий повод для «грамматики жизни», когда люди и страны, несмотря на разности и уникальности, начинают понимать и беречь друг друга...

Он верил в этот «коперниканский переворот», и он его совершил в Пространстве-Времени своей судьбы, такой недолгой и трудной, но такой значимой для всех тех, кто знал его. Боль от его потери велика, и вряд ли возможно унять ее строгими силлогизмами безупречных логик. Но пусть так — однако верность максима философского мужества дает уверенность в том, что эту боль можно хотя бы смягчить. Эта уверенность соотносима с той, которую пережил Кант, когда практиковал свой трансцендентальный метод: «Я должен был бы до основания изменить свою собственную природу или полностью уничтожить себя, если бы я сказал, что Бога нет, что я не свободен и не бессмертен. Сама структура моего существования ставит категорическое условие существования Бога или бесконечного самосовершенствования, свободы и моральности как таковой, и *бессмертия души...*»

В. Х. Гильманов,
д-р филол. наук,
профессор кафедры зарубежной филологии
факультета филологии и журналистики БФУ им. И. Канта